

Как пишет З. Бауман, в отличие от Рокфеллера, стремящегося владеть в течение как можно более длительного времени активами, заводами и материальной продукцией, «продукция Билла Гейтса создается как раз для того, чтобы как можно быстрее исчезнуть» (Z. Bauman, 2007) и быть замененной новой.

Все вышесказанное подтверждает постулат о главной черте и современного романа – движение со скоростью электронного сигнала. Однако при этом возникает неожиданный парадокс. Роман, при всей его формальной подвижности, в отличие от новостных статей, исторических очерков, результатов научных изысканий, остается неизменным в своем контенте. Невозможно издать роман и через день опровергнуть сказанное, изменить точку зрения, «переписать» художественную историю в угоду тому или иному политическому режиму. Роман сродни каменной статуе: как только с нее снят покров, ее нельзя ни «подогнать», ни «отточить», ни «изъять», и печатная версия обязана соответствовать электронной.

Неизменной остается и индивидуализирующая функция художественной литературы: личный опыт невозможно подменить коллективной историей. Художественный вымысел не испытывает страха перед нелюбимой правдой. Художественный текст, даже с домыслами и фантазиями, неизменно говорит языком правды, ибо только этот порыв оправдывает усилия и время, потраченные на написание романа. История стремится все упростить и подчинить категориям, художественная литература, наоборот, – вывести за рамки категорий и дать понять, что значит быть человеком.

Такое «выведение за рамки» происходит при невероятном разнообразии национальностей, стилей и взглядов писателей XXI в. По мнению П. Боксола, роман как раз и является привилегированной формой изучения и передачи опыта как всего этого разнообразия, так и скорости, с которой меняется окружающий мир. И если писатели принадлежат различным культурным и национальным пространствам, то роман как форма остается международной, объединяющей человечество реалией.

Ю. А. Светлович

ТЕКСТОВЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ В РОМАНАХ ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС» и И. МАКЬЮЭНА «СУББОТА»

Джеймс Джойс – ирландский писатель-модернист, отец техники «потока сознания», величайший стилист, один из самых обсуждаемых и неоднозначных писателей XX века. Иэн Макьюэн – современный британский писатель, мастер психологизма, один из самых знаменитых писателей нашего времени. В своей работе мы попытались сопоставить романы «Улисс» Дж. Джойса и «Суббота» И. Макьюэна и выявить в них общие черты и сходства.

Самое очевидное – жанровая полифония. Жанр обоих романов можно определить, во-первых, как роман «одного дня из жизни». Все действия

800 страниц «Улисса» происходят в один день – 16 июня 1904 года. Объем «Субботы» Макьюэна не такой впечатляющий, однако также описывает события одного февральского дня 2003 года, а точнее – 15 февраля 2003 года, когда по всему миру, в том числе в Лондоне, прошли акции протеста против ввода войск в Ирак. Все события романов разворачиваются в пределах одного дня, при этом, стоит отметить, что оба романа изобилуют реминисценциями и флэшбэками в виде воспоминаний главных героев. Фокус на внутреннем мире, характерный для романов, также определяет и следующий жанр – психологический роман. Романы сближает полное погружение в своих героев и конструирование композиции всего произведения вокруг их образов. И Генри Пероун Макьюэна, и джойсовский Блум постоянно думают, перерабатывают информацию, вспоминают, размышляют. И еще одно важнейшее жанровое сходство – это романы-путешествия. Главные герои романов будут путешествовать – Блум по Дублину, Пероун по Лондону. И оба – путешествовать по закоулкам своей памяти.

Важной стилистической особенностью обоих романов является также и насыщение текста аллюзиями. Говоря об «Улиссе», Джойс сам признавал, что поместил в роман столько загадок, что профессора и литераторы будут веками ломать голову над ними, и это единственный способ обеспечить себе бессмертие. И все же обширный комментарий к роману демонстрирует ту работу, которую проделали исследователи на данный момент, сумев расшифровать ряд теологических, культурно-философских, литературных, исторических и шекспировских аллюзий. «Суббота» Макьюэна, безусловно, уступает «Улиссу» в эпичности и размахе. Однако текст романа Макьюэна также демонстрирует множественные отсылки к литературным произведениям, только делает автор это ненавязчиво, и, в противопоставление Джойсу, это не является для него формальным необходимым методом. «Суббота» Макьюэна – это определенно постмодернистский роман, он в курсе необходимости определить себя и свое место в истории литературы, обозначить свои координаты, но то, *как* тонко эти литературные аллюзии обыгрываются и презентуются Макьюэном, оказывается весьма интересным. В романе много литературных аллюзий, вот только главный герой – нейрохирург Генри Пероун – далеко не всегда в курсе этих аллюзий. Аллюзии Макьюэна изобретательны в плане взаимодействия с протагонистом. Точнее сказать – не взаимодействия. Например, когда Пероун стоит у окна и размышляет о жизни, в тексте Макьюэна появляется строка *Misunderstanding is general all over the world*, тем самым намекая на рассказ Джойса «The Dead», вот только Генри Пероун не может оценить иронии совпадения, так как не знаком с произведением и не замечает аллюзии.

Следующая общая черта – это образы главных героев. В романе Джойса это Леопольд Блум, 38-летний рекламный агент, еврей, обыватель, заботливый муж и отец, гурман, фантазер в жизни. Герой романа Макьюэна – Генри Пероун, талантливый нейрохирург, счастливый семьянин, имеет двоих детей, любит жену, дважды в неделю играет в сквош, по советам

дочери пытается читать классику мировой литературы, находит счастье и успокоение в рутине. Что же у них общего? Первое и очевидное сходство – они оба материалисты, приземленные, где-то циничные, воспринимающие мир со всеми его несовершенствами, но готовые к рефлексии и саморефлексии. Они – это реальные настоящие живые люди, не овеванные романтической претензией на особенность и уникальность. В них каждый узнает себя, в той или иной степени, это эвримены, типичные герои в типичных повседневных обстоятельствах. И это именно тот случай, когда определения «обыватель» и «эвримен» не имеют негативной коннотации. Наравне с приземленностью и строгостью мысли, эврименами делает их также способность фантазировать, вспоминать, замечать. Пероун то и дело возвращается в воспоминаниях в момент знакомства со своей будущей женой, семейный ужин и спор с дочерью, детство. Мысли Блума также часто заняты воспоминаниями и смелыми фантазиями. Еще важное, на наш взгляд, сходство заключается в том, что и Генри Пероун, и Леопольд Блум *счастливы*. Они счастливы в своей размеренной жизни, счастливы в своей безмерной любви к женам. Несмотря на все события дня, они счастливы вернуться в теплые объятия любимых, и в этом и есть простое и понятное счастье. В одном из интервью, Макьюэн сказал: *It's hard to write a book in which happiness and pleasure could be part of your worldview.*

Последнее сходство двух романов – сходство композиций и хронотопа. В этом плане для анализа мы выделили из «Улисса» центральную часть – эпизоды 4–17, в которых повествуется о странствиях протагониста – Леопольда Блума. И у Макьюэна, и у Джойса время действия ограничивается 24 часами. За день оба героя, решая повседневные дела, совершают целое путешествие. Для обоих романов характерна рамочная конструкция композиции: место начала действия и место окончания действия – это дом главного героя в обоих случаях, любимый дом, где ждет любимая жена. И в «Субботе», и в «Улиссе» четко прослеживается мотив возвращения, каждодневного и универсального ритуала, такого желанного и ожидаемого и Блумом, и Пероуном. Они абсолютно счастливы, ведь, что есть счастье как не жажда повторения?

Предлагаем сравнить завершающие строки обоих произведений («Улисс» – последние строки эпизода 17, который завершает центральную часть, посвященную главному герою – Леопольду Блуму):

Слушательница: полулежа на боку, левом, левая рука под головой, правая нога вытянута по прямой и покоится на левой ноге, согнутой, в позе Матери-Геи... Повествователь: лежа на боку, левом, правая и левая ноги согнуты, большой и указательный пальцы правой руки на переноси... усталое дитя-муж, мужедитя в утробе. В утробе? Усталый? Он отдыхает. Он странствовал (Дж. Джойс, «Улисс»).

Генри тихо закрывает окно. За стеклом – мрак и холод: до рассвета еще часа полтора... Розалинд лежит спиной к нему, поджав ноги. Он ложится рядом и закрывает глаза. На этот раз он не боится бессонницы,

*он знает, что скоро забудется сном. Потому что сон – больше не отвле-
ченное понятие, а вполне материальная вещь, древнейший вид транспорта,
неспешно влекущий его из субботы в воскресенье. Он придвигается к Роза-
линд, ощущая ее тепло, ее запах и под нежным шелком пижамы – милые
очертания знакомого тела. Не открывая глаз, целует ее в затылок. Его
последняя мысль, перед тем как заснуть: и так будет всегда. И еще одна:
нет ничего, кроме этого. И наконец, тихо, почти неслышно, издалека: день
окончен (И. Макьюэн, «Суббота»).*

Y. Stulov

CIVIL RIGHTS MOVEMENT AND LITERARY REPRESENTATION: POLITICS AND AESTHETICS

April 4, 2018 marked the 50th anniversary of the assassination of Martin Luther King, Jr., which turned out to be a climactic event in the history of the Civil Rights movement in the USA and aroused a wave of all kinds of responses throughout the world. This date drew the line between different factions in the US Civil Rights movement that demonstrated not only the need to rise against racial oppression and discrimination through legal means but also brought about violent militant actions that spread across the country. The question of civil rights in the USA became an integral part of the global struggle for black self-determination and in a certain way contributed to the collapse of the colonial system.

The civil rights movement, which was complemented with the anti-war movement that had intensified by the end of the 1960s and the second wave of feminism, gained momentum by 1968. It was the most important stage of the struggle for equality and human rights in US history. In spite of the steps taken by the Congress and the US administration in 1954, 1957, 1960 and 1964, however significant they might have been, the problem of white–black relations was not solved, and the protests against various forms of discrimination began to get out of control: racial equality was still an illusion. It seemed that when President Lyndon Johnson signed the Voting Rights Law in 1965 it would ease the tension. The people who were involved in US home policy had underestimated the depth of the abyss. Prof. Howard Zinn claims that the black revolution of the 1960s came as “a surprise to those without that deep memory of slavery, that everyday presence of humiliation, registered in poetry, the music, the occasional outbursts of anger, the more frequent sullen silences. Part of that memory was of words uttered, laws passed, decisions made, which turned out to be meaningless” (H. Zinn, 1995). The assassination of black leaders such as Malcolm X and especially of Martin Luther King, Jr., who had always called non-violence, was the last drop that sparked a huge wave of protests and led to mass race riots in the black ghettos throughout the whole country.

King’s message of love and non-violence was not heard by both the white racists who were determined to show the blacks their “inferior” place in society